

УДК: 338(571) "19"

Коваленко С.Г.

Экономика Дальнего Востока во второй половине XX в. с точки зрения синергетического подхода: постановка проблемы

Economy of the Far East in the second half of the XXth century
from the point of view of the synergy approach: the statement of the problem

Статья посвящена исследованию экономики Дальнего Востока во второй половине XX в. с точки зрения синергетического подхода, так как линейные исторические концепции в кризисных ситуациях не отражают реальных процессов. Серьезное влияние на экономическое развитие региона оказывали трансисторические структуры, сформировавшиеся в предыдущий исторический период. Их влияние ощутимо и после прохождения Россией точки бифуркации.

Ключевые слова: экономика Дальнего Востока, синергетика, трансисторические структуры, точка бифуркации, хаос, порядок

This article is devoted to the research of economy of the Far East in the second half of the XX-th century from the point of view of the synergy approach because linear historical concepts in crisis situations do not reflect real processes. Transhistorical structures exercise influence on the economic development of the region greatly. These structures were formed during the previous historical period. Their influence is notable and after the Russian passage of this transition point.

Key words: economy of the Far East, transhistorical structures, transition point, chaos, order

Социальный хаос представляет собой отличительную черту, как исторического процесса, так и нашего времени. Этому способствует невероятное (особенно в последние сто лет) ускорение развития человечества, которое порождает ранее неизвестные угрозы и риски, провоцирующие неустойчивость, как на глобальном, так и на локальном уровне общества. Именно нестабильное состояние современного мира и России как его части, подталкивает к изучению на конкретном историческом материале происходящих процессов.

Традиционные теории пытаются объяснить и прогнозировать развитие социальных и экономических систем, без учета факторов нелинейности и неустойчивости. Эти научные конструкции достаточно хорошо описывают и анализируют развитие общества в спокойном состоянии, но совершенно бессильны, когда дело касается кризисов, нестабильности и глубинных причин их вызывающих.

Синергетика имеет значение в интерпретации научных данных в новом ракурсе, значительно отличающемся от детерминистического подхода (причинно – следственных связей), который доминировал в науке со времен Ньютона. Проблема взаимоотношений порядка и хаоса начала активно исследоваться с середины XX в. брюссельской школой И. Пригожина, отталкивавшейся от изучения процессов самоорганизации в физико-химических системах.

Синергетику определяют как знание о сложном, учение о самоорганизации, об универсальных закономерностях эволюции сложных динамических систем, претерпевающих резкие изменения состояний в периоды нестабильности. Один из основателей синергетики, немецкий физик Г. Хакен определял ее не только как науку о самоорганизации, но и как теорию "совместного действия многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникает [новая] структура и соответствующее функционирование". "Приблизительно 25 лет назад, – пишет Хакен, – я задал вопрос: "имеет ли самоорганизация общие законы?", и предложил изучать этот вопрос в рамках новой дисциплины, которую я назвал синергетикой". Вопрос, существуют ли в ней общие законы или принципы, казался несколько удивительным и возможно даже шокирующим. В 1980-х гг. единая наука о самоорганизации была названа в Германии синергетикой (Г. Хакен), во франкоязычных странах – теорией диссипативных структур (И. Пригожин), в США – теорией динамического хаоса (М. Фейгенбаум). В отечественной литературе используется первый термин. В соответствии с этой парадигмой, развитие понимается как последовательность длительных периодов, соответствующих стабильным состояниям системы, которые прерываются короткими периодами хаотического поведения ("бифуркациями"), после чего происходит переход к следующему устойчивому состоянию ("аттрактору"), выбор которого определяется, как правило, флуктуациями в точке бифуркации [3, с. 5].

На сегодняшний день синергетика активно применяется в гуманитарных науках, так как открывает новые эвристические возможности не только для изучения моментов выбора, но и дает возможность по-новому представить устойчивые состояния общества. Синергетический подход свидетельствует, что неустойчивость, дискретность, кризисы, нелинейность являются универсальной формой развития сложных систем, включая социальные. В момент бифуркации возникает разрыв линии метастабильной эволюции общества и, соответственно, в нем появляется поле социальных возможностей, которые подразумевают выбор нового пути исторического развития. Созидательный процесс непременно оплачивается разрушением: увеличение негэнтропии (порядка) в системе возможно только за счет энтропии (беспорядка) в среде.

Все чаще в гуманитарных науках будущее рассматривается как обширное поле возможностей, а прошлое и настоящее как напряженный процесс выбора из них [2, с.5-9]. Этот выбор должен обеспечивать максимальные возможности выживания для любого общества, понимаемого в синергетике как социетальная система, которая поддерживает постоянный обмен со средой информацией, веществом и энергией. С течением времени возникают определенные дисфункции, усиливающие социальный хаос [4, с. 61].

Экономика занимает центральное место среди адаптаций человека к среде, так как именно она поддерживает механизм генерации богатства, обеспечивающий освоение новой территории [1, с. 44]. Поэтому экономическая система с синергетической точки зрения имеет ключевое значение для выбора, так как обеспечивает получение и усвоение ресурсов. Синергетический подход к экономическим процессам активно ис-

пользуется как отечественными, так и зарубежными исследователями (В.Б. Занг, Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев, Г. Клейнер, и др.)

На взгляд автора наиболее удачное определение системы дано Ерохиной Е.А. Системой "является совокупность объектов и процессов, называемых компонентами, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой, которые образуют единое целое, обладающее свойствами, не присущими составляющим его компонентам, взятым в отдельности".

В качестве общесистемных свойств выступают целостность, иерархичность и интегративность. Целостность – это общесистемное свойство, заключающееся в том, что изменение любого компонента системы оказывает воздействие на все другие ее компоненты и приводит к изменению системы в целом; и наоборот, любое изменение системы отзывается на всех компонентах системы; она означает также преобразование компонентов, входящих в систему, соответственно ее природе. Иерархичность системы состоит в том, что она может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка, а каждый ее элемент, в свою очередь, является системой. Интегративность представляет собой обладание системой свойствами, отсутствующими у ее элементов (верно и обратное – элементы обладают свойствами, не присущими системе) [5, с. 25]. Все эти свойства присущи социетальной и экономической системам. Необходимо только отметить, что в отличие от других видов систем социетальная (частью которой является экономическая) имеет свои особенности. Огромное значение в ней принадлежит личности. Например, Г. Рузавин, по этому поводу пишет: "Принципиальное отличие социальных систем от природных состоит, прежде всего, в том, что в них самоорганизация дополняется организацией, поскольку в обществе действуют люди, одаренные сознанием, ставящие себе определенные цели, руководствующиеся мотивами своего поведения и ценностными ориентациями. Поэтому взаимодействие организации и самоорганизации, случайного и необходимого составляет основу развития социальных систем". Подобное мнение высказывает и И. Пригожин, считая, что "различие между биологической и социальной эволюцией состоит в том, что общества могут вести себя целенаправленно. Мы можем в определенных рамках выбирать наш путь эволюции". Таким образом, оба механизма, – самоорганизационный и организационный, – должны рассматриваться в своей совокупности, как имеющие различный вектор и никогда не совпадающие. Только их наложение дает ключ к пониманию исторического развития. При этом организационная сторона выступает внешней, по отношению к самоорганизационной.

Основная цель экономической системы общества в спокойный период – не только обеспечение приспособляемости к природным условиям, но и накопление потенциала, создание той платформы, благодаря которой в точках бифуркации возможен выбор, который не приведет к историческому регрессу. Вопрос заключается в том, насколько успешно в условиях советской экономической системы государство справлялось с обеспечением экономической безопасности и создавало экономическую основу для дальнейшего выбора развития и насколько современное состояние делает возможным прохождение очередной бифуркации? Особенно актуальным представляется ответ на этот вопрос на региональном уровне так, как общий уровень развития регионов в советское время напрямую влиял на те процессы, которые приводили к накоплению экономического потенциала и происходят в региональном развитии сейчас.

Властные институты должны создавать механизмы реализации и защиты экономических интересов, поддержания социально-политической стабильности общества, – иными словами, реализовывать организационный принцип развития системы.

Проблема заключалась в том, что общество, существующее в неблагоприятных природно-климатических условиях, вырабатывает механизм адаптации к ним или трансисторические структуры (метастабильные социальные структуры, существующие в контексте длительной временной протяженности и периодически претерпевающие определенные изменения, хотя их изначальное функциональное качество остается достаточно устойчивым) [4, с. 62-63]. Окружающая среда подталкивает социум в определенном направлении, стимулируя в нем формирование подобных структур, соразмерно с внешними вызовами. Такой структурой являлась экстенсивная экономика СССР и России, связанная с ростом количественных факторов. Этот механизм приспособления был достаточно действенным на протяжении веков, но во второй половине XX в. экстенсивный путь развития себя исчерпал [4, с. 50]. Им же определялся паттерн развития региона, включавший в себя понимание Дальнего Востока как форпоста на Тихом океане и региона, поставляющего ресурсы. На уровне официальной политики было провозглашено, что государству нуждается в ресурсном обеспечении. Для реализации такой экономической стратегии необходимы были серьезные вложения средств и ресурсов. Исторический опыт показал, что вложения никогда не окупались. Но следует подчеркнуть, что подобная задача и не ставилась. Государство, преследуя определенные цели, готово было спонсировать региональное развитие. В рамках спокойного состояния системы другой выбор попросту не мог быть сделан.

Все реорганизации внутригосударственной жизни второй половины XX в. так или иначе, замыкались на экономическую систему и имели целью перевода экономики на интенсивный уровень. Организационный механизм, направленный на достижение государственных целей в регионе, реализовывался в реформах. Усложнение экономики в послевоенный период подталкивало политическое руководство к поиску наиболее эффективных методов управления. Весь восстановительный период они проводились в рамках министерской системы. Волны централизации и децентрализации периодически сменяли друг друга, позволяя частично снимать напряжение в наиболее болезненных вопросах, но мало затрагивая промышленное производство – основу экономики СССР. До определенного момента такая политика была оправдана, так как экстенсивный путь развития экономики при всех своих недостатках позволил полностью восстановить народное хозяйство. Но с начала 50-х гг. в СССР стали падать темпы роста национального дохода: в 1951 г. они составили 112,3% (к предыдущему году), в 1955 г. – 111,9%, в 1957 г. – 107%. [6, с. 36-37]. Такая тенденция свидетельствовала о нарастании энтропийных процессов в экономической системе страны и показывала, что экстенсивный путь развития уже не был способен обеспечить дальнейшую модернизацию.

Создание совнархозов, косыгинская реформа, попытки в брежневское время справиться с нарастающими энтропийными процессами (создание в 1973 г. территориально-производственных объединений, попытка в 1979 г. реабилитировать некоторые нереализованные предыдущей реформой положения) – все эти действия государства в советское время имели смысл, который можно выразить одной фразой, появившейся в брежневские времена и являвшейся квинтэссенцией государственной политики того времени, – "экономика должна быть экономной". Так как платой за стабильность являлось огромное вложение средств и ресурсов, то поддерживать порядок в такой системе становилось со временем все сложнее.

Организационная сторона в данном случае была представлена двумя уровнями управленческой элиты. Управленческая элита в цен-

тре стремилась до определенного момента оптимизировать вложения в регион. Особенно это касалось министерского уровня. Так как в целом кроме отраслей специализации процент предприятий на Дальнем Востоке, принадлежащих отдельным министерствам, не превышал 1-3% от общего числа и рентабельность их была, как правило, ниже на 25-30% общесоюзного уровня, то понятно явное нежелание министерств вкладывать деньги. Положение несколько изменилось во времена существования совнархозов (1957 – 1964), но, с середины 60-х гг. все вернулось на круги своя.

Между тем общегосударственные интересы требовали серьезно финансирования всех отраслей промышленного производства, а не только военных предприятий или отраслей специализации: цветной металлургии, рыбной и лесозаготовительной отраслей так, как отставание непрофильных предприятий тормозило развитие отраслей специализации. Практически каждое предприятие Дальнего Востока выполняло военные заказы и обслуживало отрасли специализации, а, значит, от их работы зависело положение дел в этих важнейших для государства сферах.

С другой стороны, местная партийная и хозяйственная элита старалась обосновать необходимость привлечения как можно большего количества средств в регион. Просили всегда больше, чем требовалось, поскольку от развития экономической сферы напрямую зависела жизнь не только элиты, но и населения.

Несмотря на успешное экономическое развитие региона в рамках существующей системы, государству все сложнее становилось добиваться движения вперед, все сложнее было отвечать на вызовы времени. На Дальнем Востоке ситуация осложнялась более неблагоприятными, чем в центре, природно-климатическими условиями, низкой плотностью населения, общим уровнем развития промышленного производства. Процесс инновационной самоорганизации, в определенной степени присутствовавший в центральных регионах страны, в этих условиях вряд ли был возможен. Для того, чтобы компенсировать повышенные затраты в зоне Дальнего Востока (коэффициент удорожания колебался в пределах 1,2 – 1,5 по сравнению с центральными районами), требовалось чтобы вся промышленность начала работать на новом уровне: более полно использовала свои производственные фонды, повышала производительность труда, снижала издержки производства и т.д. Но такого выбора в советской экономической системе попросту не существовало, так как он подразумевал совершенно иные параметры, чем те, которыми обладала советская экономика.

Результаты нарастания энтропийных процессов в экономике региона прослеживались в ухудшении базовых параметров. Определенные параметры экономического развития универсальны для любой экономической системы, социалистической или капиталистической. Таким параметром является фондоотдача. В целом по Дальнему Востоку фондоотдача составила 0,86 рубля и за четыре года пятилетки с 1980 по 1984 г., при увеличении объема производства на 18%, она снизилась на 10,3%. Около 20% всех предприятий Дальнего Востока были убыточные (ГАПК. Ф. 510. Оп.3. Д. 1037).

Необходимо подчеркнуть очень важный момент. Социалистические и капиталистические системы, несмотря на их внутреннюю несхожесть, согласно синергетическому подходу имеют ряд общих свойств. Самым важным в исторической перспективе является то, что развитие социальной системы (общества) невозможно без кризисов. Вся история человечества представляет собой сложную диалектику процессов возрастания энтропии. Общество начинает развиваться по экстенсивному сценарию,

но на определенном этапе установка на неисчерпаемость природных ресурсов вступает в противоречие с реальной ситуацией ограниченности ресурсов. Наступает бифуркационный период. Общество либо деградирует, либо вырабатывает более изощренные механизмы сохранения и развития взамен или в дополнение к прежним механизмам, ставшим при новых условиях контрпродуктивными [8, с. 82].

Исторический опыт свидетельствует, что в социалистическом обществе возможно до определенного момента предотвратить неустойчивость экономической системы, но на практике невозможно достичь одновременно эффективности и устойчивости. Если во времена Н.С. Хрущева выбор был сделан в пользу достижения эффективности, то с приходом к власти Л.И. Брежнева устойчивость была возведена в абсолют. Это не только ускоряло энтропийные процессы в экономической системе, но и мешало подготовиться к бифуркационной стадии, для того чтобы пройти ее с наименьшими потерями.

Согласно бифуркационной теории и теории зависимости от предшествующего развития, выбор осуществляется случайно, но только из тех параметров, которые были наработаны системой. Когда система находится в бифуркационной стадии, кардинальную роль играют универсальные принципы: быстрое и устойчивое развитие системы возможно только на базе неантагонистических отношений; если на систему оказывается внешнее воздействие, то внутри нее происходит структурная и функциональная перестройка; если система стоит перед выбором, то из всех возможных решений она выберет то, которое обеспечивает наименьшие затраты энергии; выбор грядущей альтернативы развития системы в значительной мере определяется социальными ценностями, доминирующими в массовом сознании [5, с. 89]. Иными словами, из ничего не может появиться что-то.

Именно поэтому многие страны, оказавшись в тяжелой ситуации выбора, пошли по пути регресса так, как весь накопленный ими экономический потенциал не позволял сделать выбор, который привел бы к прогрессивному развитию. В период спокойного развития, ключевое значение имеет модернизация, которая должна охватывать все сферы жизни социетальной системы. Если присутствует точечная или частичная модернизация (которой России удалось избежать), у общества практически нет шансов в точке бифуркации сделать выбор, который бы позволил в дальнейшем компенсировать свои собственные недостатки.

Распад СССР и дальнейшие потрясения для России, согласно синергетической парадигме, не являются чем-то из ряда вон выходящим. По мере нарастания внутреннего неравновесия система приближается к точке выбора. В ней она становится чрезвычайно уязвимой для внешних и внутренних воздействий. Потеря устойчивости систем не зависит от поступков отдельной личности, так как является проявлением внутренних свойств (диссипативности) самоорганизующихся систем. Но выбор, основанный на способности анализировать возможные пути развития общественных систем, находится в компетенции личности при наличии четких ограничивающих условий.

Многое в этой ситуации зависит и от ментальности народа. Массовое сознание всегда характеризуется линейностью. Этому способствует также и то, что обычно очень хорошо видны недостатки существующего политического режима и совершенно не осознается то, что период нестабильности грозит не только социальными потрясениями, но и ограниченными возможностями выбора. Ожидания лучшей жизни никогда не оправдываются, так как в периоды нестабильности никакого поступательного социального развития быть не может. Система, как и следовало ожидать, переходит на новый уровень путем колоссальных потрясений.

Последствия прохождения точки бифуркации в 1991 – 1993 г. были ужасающи. Об этом свидетельствует динамика большинства макроэкономических показателей российской экономики за годы реформ.

Для Дальнего Востока последствия были еще более дестабилизирующими. Экономический кризис усугубляли удаленность и высокие транспортные расходы (большинство предприятий региона были связаны с центральными областями страны). В условиях нестабильности руководство страны пыталось реализовать организационную составляющую через программы регионального развития. Но так как система находилась в состоянии нестабильности, заявления федеральных властей о разработке и проведении последовательной региональной политики, которая должна была способствовать преодолению наиболее тяжелых последствий реформ, остались преимущественно только в правительственных документах.

Программы развития региона были выполнены в таких объемах, которые не позволяли реализовать организационную составляющую в период кризиса. С самого начала реформ вложения в регион фактически прекратились. Так, государственная целевая программа на 1986–2000 гг. (1987 г.) была выполнена на 30 %, федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 – 2005 гг. (1996 г.) – на 5 %, программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 – 2005 гг. и до 2010 г. (2002 г.) – на 4,5% .

Согласно синергетической парадигме, одним из серьезных и плохо преодолимых во времена нестабильности явлений является сокращение населения. Причины этого могут быть различны: уменьшение продолжительности жизни, военные конфликты и т.д. Кризис вызвал резкий отток населения из региона. Среднегодовая численность населения занятого в экономике снизилась с 4221, 1 тыс. чел. в 1990 г. до 3158,1 тыс. чел. в 1998 г. Встречный поток мигрантов, приезжающих на Дальний Восток снижал остроту проблемы, но не решал ее полностью. Коэффициент миграционного прироста в 1998 г. был отрицательным – 100 чел. на 10000 чел. населения [7, с. 36-37]. К этому необходимо добавить сокращение средней продолжительности жизни на 8 – 10 лет у мужчин и на 7 – 9 у женщин.

Несмотря на преобладание энтропийных процессов, накопленный за годы советской власти экономический потенциал позволил России, пусть и с большими потерями, начать новый виток своего развития. Но трансисторические структуры никогда не упразднялись в российской

Таблица 1
Макроэкономические показатели
России 1990- 1999 гг.

Показатель	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
ВВП в % к 1989 г.	96	91	78	72	62	60	57	58	54	55
Инфляция в %	6	93	1526	875	307	198	48	17	60	40
Уровень безработицы в %	–	–	4,7	5,5	7,4	8,5	9,6	10,8	11,9	12,5
Коэффициент Джени	–	0,26	0,29	0,40	0,41	0,38	0,38	0,38	–	–

Таблица взята из монографии: Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010. С. 411.

истории (не стал исключением и 1991 г.), так как для их трансформации необходим совершенно новый ответ на исторические вызовы. Именно поэтому при огромных социальных потрясениях экономическая система во многом унаследовала черты традиционные для России. В связи с этим и экономика Дальнего Востока в сформировавшейся системе занимает традиционное для себя место поставщика ресурсов.

Литература

1. Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. М.: Книжный дом "Либроком", 2010. 288 с.
2. Бекетов Н. Бифуркационная природа экономических кризисов и катастроф. // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2009 №1, с. 3 – 9.
3. Бородкин Л.И. "Порядок из хаоса": концепции синергетики в методологии исторических исследований. URL: www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/BOOKS/chaos.htm
4. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна М.: КомКнига, 2005. 240с.
5. Кульпин С.Э. Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю. М.: Московский лицей, 1996. 342 с.
6. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945 – 1950 гг. / Под общей редакцией В.Л. Ларина; отв. Ред. Ващук А.С. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с. (История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.4).
7. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI века. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
8. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (синергетика социального процесса) Курс лекций. М: Мысль, 1995. 324 с.